

Я много раз пытался прочитать Дон Кихота, но после страниц тридцати забрасывал эту книгу для следующего раза. И так повторялось много раз, пока я не понял, что этот шедевр мировой литературы мне не одолеть. Может, Сервантес “не пошел” потому, что я не интересовался Испанией, или от меня был сокрыт очень глубокий смысл написанного, но я был безразличен к Испании как к государству, хотя мне нравился испанский язык, в основном из-за двух звуков: звука “х” и двойного “Рр”. Первый звук превращает Иисуса в Хесуса, а пассажиров в пасахэрос, а второй еще больше революционизирует слово «революция», придавая ему атакующее звучание – Рреволюсьон. В этой связи с детства мне казалось, что все испано-язычные страны должны быть жутко революционными.

Но тут мой сын, Герман, предложил нам съездить в Мадрид, чтобы сменить однообразность российских дней на что-то яркое, да и Вале подпитаться новыми впечатлениями от мировых музеев. В этом смысле Мадрид вполне подходящее место. А поскольку моя жена без меня не любит никуда ездить, я вынужден был оторваться от своего научного опуса (честно говоря, он мне уже изрядно надоел) и принять предложение ее сопровождать. О Мадриде я почти ничего не знал и, опасаясь заскучать в путешествии, предложил съездить еще куда-нибудь. Поначалу встал выбор между Барселоной и Лиссабоном. Одни советовали Барселону, другие – Лиссабон. Выбрали Лиссабон; все-таки за одну поездку – сразу две страны, да к тому же там останки Васко да Гама, а путешественников я всегда уважал.

Перед поездкой Валя, как обычно, проводит тщательную подготовку, чтобы не терять время на поиски туристических мест. Делает она это через Интернет: смотрит маршруты, транспорт, гостиницы, погоду и прочие туристические необходимости. Я тоже подготовился: купил русско-испанский разговорник, правда, всего за неделю до поездки, рассчитывая овладеть испанским до возможности объясняться на улицах и ресторанах. Кстати, мой словарный запас к началу “изучения” состоял из двух фраз: Но поссаран (они не пройдут) и патриа о муэрте (родина или смерть). Но то ли было мало времени, то ли с памятью моей что-то стало, мой “словарь” расширился не намного, причем за счет слов, которые мне не очень были нужны. Например, зачем-то запало в душу слово багаж – экипахэ, пиццерия – писерия, ювелирный – хойерия, пассажиры - пасахерос. Из нужных слов я запомнил спасибо - грасьяс, привет - ола, добрый день - буэнес диас, пожалуйста – пор фавор, где – донде, и особенно понравившиеся мне слово – извините – пэрдоне. Конечно, уже там я выучил главное мое слово - пиво - сервеса и зачем-то запомнил слово мадре. Наверное, назло падре, которое наверняка произошло от имени Пэдро.

Я как-то не особенно беспокоился за португальский язык. Мне казалось, что достаточно менять звук “х” на “ж” или “ш” и получится португальский. Хотя направление мыслилось правильное, но все оказалось не так-то просто. С пивом все нормально, оно действительно превратилось в сервежу, а хесус в жесус, но с остальными словами ...

Короче, в языковом смысле я подготовился очень плохо, и это ощущалось затем постоянно.

Маршрут наш был такой: Москва–Мадрид–Лиссабон–Мадрид–Москва. Сын поинтересовался, какой авиакомпанией мы хотим лететь? Валя ответила - любой, лететь-то всего 4,5 часа – лишь бы было удобное время вылета и прилета. Под эти параметры подошел наш родной Аэрофлот, и сын, правда, почему-то засомневавшись, взял нам билеты на Мадрид.

Начало пути не предвещало ничего хорошего. Загрузившись в пузатый Аэробус (А-310) в возрасте где-то лет 20-25 от роду, что выдавал его внутренний антураж, мы сразу столкнулись с обычном делом для Аэрофлота: нам объявили, что самолет со взлетом запаздывает на час (мы сидели уже в салоне), поскольку надо было подождать каких-то пассажиров, которые не успевали к сроку вылета. Мы, уже “порченные” западным сервисом, не понимали, почему опоздавшие не могли сесть на следующий самолет, раз они опаздывали, и почему пассажиры, у кого были пересадки, встречи и прочие планы, должны перестраивать их из-за каких-то разгильдяев. В конце концов, село несколько человек. После взлета к реву двигателей присоединился плач ребенка, который ни на секунду не прекращался в течение почти пяти часов полета. Сервис был убогий. За эти часы нас покормили один раз, и один раз предложили напитки, что входило в один обход пассажиров. В последующем, тот, кто уж очень “загорелся от жажды”, сам шел к проводникам и просил воды. Приземление в мадридском аэропорту навело на мысль о том, что летчики только что закончили училище: тормознули, как в троллейбусе новичок.

На выходе я не стерпел и высказался старшему стюарду, что все у них не фонтан, и скоро они с таким сервисом разорятся. А тот как-то обреченно со мной согласился, сказав, что Березовский то ли их предал, то ли продал этот Аэрофлот. Чтобы закончить с Аэрофлотом скажу, что и на обратном пути мы опять задержались на час без всякой причины. Ну, не можем мы вовремя! Поэтому мне было дико читать в

журнале “Аэрофлот” хвалебные отклики пассажиров о качестве обслуживания и даже о том, что это качество превосходит зарубежные авиакомпании. Эту писанину надо понимать или как элементарное вранье, или под зарубежными компаниями имелись в виду компании Туркмении, Казахстана и Киргизии.

Надеюсь, что это был наш последний полет рейсами Аэрофлота.

Музеи и дворцы – испанцы молодцы

Адаптация

Итак, мы прилетели в Мадрид, взяли такси, и за 4 500 песет нас довели до 4-х звездочной гостиницы Hotel NH Nacional, расположенной напротив музея Дель Прадо. Гостиница ждала нас специальным заздравно-дежурным набором, состоящим из бутылки портвейна, пяти видов чая, кофе и шоколада. Довольно уютный номер, красивый вид из окна дополняла некоторая, на мой взгляд, несуразица: конструкция увязки ванны-туалета и умывальника. Ванна и туалет находились за стеклянной дверью, весьма прозрачной. Какой же конструктор придумал сидеть на горшке за стеклянной дверью? – подумал я. Но мы отнесли это к нашей феодальности и неготовности воспринять сердцем новый вид услуг. В гостиницу мы приехали часов в 10 вечера, вокруг все бурлило, светилось и веселилось. Я сбегал за пивом, купив литровую бутылку “Mahou” за 215 песет (182 песет за 1 US\$), чтобы сбросить раздражение от Аэрофлота и дороги. Несмотря на дешевизну, пиво было отменное, по крайней мере, по вкусу превосходило все наши бочкаревы и старые мельники. Тут я вспомнил фразу Жванецкого: “Если не видел другие костюмы, но наш вот такой” (тут нужно поднять большой палец вверх).

На следующий день была суббота. Валя из Интернета вычитала, что в этот день Дель Прадо после обеда “дают” бесплатно, а с утра мы пошли немного осмотреть город. Привыкшие обслуживать себя везде на английском, мы впервые почувствовали, что в Мадриде это не будет легким делом. Испанцы даже в туристическом бизнесе чувствуют свою полнодостаточность, говоря на своем языке. “Учи язык сам, если приехал нас посмотреть” - вот так, в основном, организован туризм. И правильно!

В ресторане, куда мы зашли пообедать, начались первые проблемы с языком. Меню было на испанском. Официант нам показался суетливым и невнимательным, точно,

как: “вас много, а я один”. Тут мы почувствовали разницу между, так называемым, первым миром и остальными странами. По картинкам мы выбрали себе разные блюда, а Валя попросила еще суп (поскольку сын порекомендовал попробовать испанский суп, но название мы забыли). Взаимопонимание было условным. Мне принесли заказанное блюдо, Вале – суп, больше похожий на воду из-под вываренной рыбы. Через некоторое время, когда мы спросили, почему нет блюда для Вали, официант сказал, что его нет вообще. Его “сказал” мы, естественно, поняли по жестам. Суп Валу тоже не порадовал. Может быть, у них слово суп означает воду, и это была шутка сына? Оставшись голодной (хоть я и поделился своей едой), Валя попросила универсальный набор: кофе и шоколадный пирог, что на всех языках звучит одинаково. Но вместо обычного кофе с молоком, принесли два глотка эспresso, поскольку другого кофе там не пьют. Поели: пиво и кофе были отменные. Мы поняли, что наш английский испанцам не нужен, знать они его не знают и не желают знать. Мы порадовались за испанцев – молодцы, себя уважают. В этом ресторане мы чуть не расхохотались, когда увидели японцев, пытающихся поесть. Это были те японцы, которые не умеют “с ножом”, так сказать, а, взяв европейские инструменты как палочки от барабана, они с двух сторон подцепляли “еду”, с трудом заглатывая противную им пищу.

Дель Прадо и Маха с неправильной грудью

Этот музей считается одним из крупнейших музеев мира наряду с флорентийским Уффици, парижским Лувром, нью-йоркским Метрополитен. Из справочника я узнал, что там содержится 6000 картин и 400 классических скульптур. Естественно, представлен весь цвет мировых художников: итальянцы – Тициан, Рафаэль, Тинторетто, Веронезе, Бассано; голландцы – Вейден, Бутс, Мемлинг, Рубенс, Ван Дейк и Брегель; французы Пуссен, Перет и еще какие-то, которых я не знал; немцы – Лукас Кранах, Дюрер, Брейгель, Гольбейн, нео-классик Антон Рафаэль Менгс и, конечно, гордость испанцев – Эль Греко, Рибера, Мурильо, Веласкес и Гойя.

Вообще-то говоря, я в живописи ничего не понимаю и хожу в эти галереи из-за Вали, чтобы ей было с кем делить свои впечатления. Например, она считает, что Рубенс (плюс его ученики, но подписано-то Рубенсом) многие вещи рисовал условно грамотно и был халтурщиком. Возможно, это и так, судя хотя бы по тому, что все более или менее значимые музеи мира имеют этого Рубенса в больших количествах (шедевров много не напишешь). Но мне, тем не менее, нравятся его женщины во плоти. Глядя на них, веришь, что человечество не останется без потомства. Чего не скажешь о

нынешних стерлядках, которые навевают обратные мысли. Кстати, очень симпатичных девочек на одной картине нарисовал и Мурильо. Но они у него почему-то летают по небу. Вроде тело есть, а как-то умудряются еще и летать. А Вале нравится, она даже купила про него что-то.

Мне всегда нравилась “пентура” Гойи – Маха обнаженная, а Валя и в ней нашла изъяны: оказывается, по законам структуры тела ее правая грудь должна была бы падать вниз, а она у нее торчит кверху и даже как-то запрокидывается наверх, к шее. Вообще-то Валино замечание убедительно, но я предположил, что, может, и в те времена использовали силикон или что-то в этом роде: потому и торчит. А может, в те времена просто испанки так выглядели? Другие картины Гойи Валя пугают, но я ее отвлек от его уродливых каракатиц и переключил внимание на то, что рамки у картин великого испанца были уж очень простенькие, такие палочки без позолоты. Она почему-то стала раздражаться, и мы ушли от Гойи, что мне и нужно было.

Вообще-то само здание Прадо – грандиозное сооружение, снаружи украшенное еще и скульптурами, в том числе памятником Гойи, на фоне которого я запечатлелся. Здесь, на памятнике, и мне на память – Маха с неправильной грудью. А внутри Прадо – довольно простое помещение. Совсем не похоже на дворцы русских царей, не как в Эрмитаже. Валя, правда, предположила, что в этом заложена осознанная цель: не отвлекаться на пустяки, сконцентрироваться на картинах. Я хотел сконцентрироваться, подошел почитать, что под картинами написано, а все подписи к картинам только на испанском. Так что, если не знаешь сюжета, то и не поймешь, что к чему. Но тут Валя мне в помощь, “если захочу”. А на английском я нашел только название Либрерии – Bookshop.

Короче, галерея как галерея. Особых эмоций я не испытал, духовность свою не обогатил, но отметил: был в Прадо.

Прогуливаясь по городу

Вечером решили погулять по Мадриду. Ночной Мадрид еще красивее, чем днем. Очень большое впечатление от подсвеченной архитектуры. Здания в стиле барокко и неоклассицизма. Мощно и красиво. Очень. Особенно красив – Дворец связи, построенный в конце 18 века и в котором жил герцог Альба. Его я запомнил еще по фейхтвангерской книге о Гойе. Затем мы дошли до площади Колон, где возвышается

высокий монумент Колумбу. Далее мы оказались на площади Испании и обнаружили там Сервантеса в окружении Дон Кихота и Санчо Панса. Тоже впечатляет.

На следующее утро мы отправились на главную площадь Мадрида – Puerta del Sol (Ворота солнца), от которого происходит отсчет расстояний во все стороны Испании. На площади стоит конный памятник королю Испании Филиппу III, а недалеко памятник медведю, обнюхивающему дерево мадрону (the madrona tree). Эта медвежья скульптура у испанцев является символом и гербом Мадрида.

Недалеко находится знаменитая площадь Майор опять же с конным памятником, на этот раз Филиппу III. Площадь окружают прилепленные друг к другу здания в стиле барокко начала 17 века. Все красиво и чисто. В воскресный день на ней разворачивается “блошиный рынок”, так сказать, барахолка, хотя вместо блох продаются (в этом специфика этого рынка) ордена, медали, марки. Среди всего этого мы узрели для продажи Медаль Героя Советского Союза по цене 85 тыс. писет (около 467 ам. долл.). Орден Отечественной войны 2-й степени стоил 5 тыс. писет (около 28 ам. долл.). Видимо, наши ветераны окончательно пошли вразнос: начали продавать свое достоинство.

Зашли в кафе. Еще раз поудивлялись “взаимопониманию”. Валя попросила один кофе – эспрессо, один – нормальный, показав на большую чашку. Официант кивнул, мол, понял, и принес два эспрессо, но та же порция налитая в большую чашку. Валя попросила стакан воды, официант мотнул головой в знак понимания, стал что-то греть и шипеть на своей машинке. В результате принесли горячее молоко. Мы сказали грасьяс.

После США, Канады, Германии, Англии, Франции и других “продвинутых стран” обращает на себя внимание выражение лиц на улицах. У всех нормальные живые лица без тени душевного маразма, идиотизма или вырожденческих черт. Нет и “молодняка” с красными и зелеными гребешками на голове, а у девиц отсутствуют кольца на губах, пупках и прочих местах. Как ни странно, не увидели мы и представителей всяческих сексуальных меньшинств, которые особенно нас потрясли в Гамбурге. То ли все это до Испании еще не дошло, то ли мы не там ходили. Общее ощущение здоровой нации.

Еще одна уличная особенность: все люди переходят улицы только на зеленый свет. Ну, прямо, как немцы. Мы ожидали на улицах хаос, пренебрежение к порядку, но этого

нет. Хотя надо иметь в виду, что мадридцы – это не все испанцы. Говорят, что барселонцы от них сильно отличаются, а южане отличаются еще сильнее от тех и других. Очень даже может быть.

Музей Тиссена: красота и уродство

На следующий день я сопровождал Валу в художественный музей Тиссена. Он хоть и меньше Прадо, но классиков там тоже хватает. Нам даже “повезло”: в эти дни там экспонировалась передвижная выставка Средневекового Ренессанса с множеством имен, которых я не знал. Немножко на них поглазел, но все равно не запомнил.

В основной же галерее знакомые имена Дюрера, Тициана, Кранахи, Рафаэль. Но мое внимание привлекла картина, повешенная на переходе от одного зала в другой. Называется Молодой Христос с красными цветами (The Young Jesus with red of flowers). Правда, этот Христос выглядел девочкой, наряженной в красное одеянье. Очень красиво.

Вообще-то эти сюжеты с Христом, его матерью и апостолами изрядно мне надоели и больше нравятся картины, где вся эта братия отсутствует. Отсутствовать же она начинает с картин периода начала Ренессанса. То есть – с освобождения от мракобесия, что отражалось как в картинах, так и в жизни.

Да, тут я случайно встретил своего старого знакомого – Оскара Кокошки, которого запомнил еще с мюнхенской Пинакотеки благодаря ассоциации с фамилией Тани Кокушкиной – моей одноклассницы. А вот картину его я в этом музее почему-то не запомнил.

В этом Тиссен-музее представлены в изобилии французские импрессионисты. И что очень любопытно, много наших российских художников маразматического направления. Тут тебе и М. Ларионов, и Давид Бурлюк, и Кандинский, и Филонов (не путать с моим одноклассником Володей Филоновым), и Шагал, и даже какая-то Л.С. Попова. Я не уверен, что их творения относятся к искусству, иначе мне надо объяснить, что такое вандализм.

У Шагала на картине “Деревенская мадонна” по небу летит корова, впереди скрипка, мадонна вцепилась в какого-то дядьку и плюс сбоку припеку свечи. Подозреваю, этот Шагал просто отразил свои кошмары после бурной пьянки. А у мадам Поповой на

“картинах” разноцветные треугольники, за которые я когда-то в школе получал двойки по рисованию.

Угарным сознанием, видимо, страдали не только русские художники, но и западные. К примеру, Марк Ротка (Mark Rothko). Полотно 2,5 на 2,5 м покрыто фиолетово-грязной краской; посередине зеленый квадрат. Все. Другой титан – Луис Морис из Балтимора. Картина называется Геркулесовы столпы. Тоже где-то 2,5 на 2,5 м. С правой стороны рыжие потеки, с левой – грязные потеки. Рядом потеки зеленые. Они, видимо, и должны были отражать “столпы”. Увидел бы все это Геркулес.

В аналогичном ключе создан шедевр под названием “Untitled” (Без названия) некого Стила Клиффорда. Грязно-коричневая краска перемежается с бело-грязной краской, а в одном месте желтое пятно, очень напоминающее детскую кашку. Сам он так и не придумал, как обозвать свое творение.

А вот уже другой гений – Кунинг Вильям из Роттердама, размазавший по полотну различные краски. Все это названо Redman with Moustache (Красный человек с усами). Никакого “мэна” на картине я не нашел, не говоря уже об усах. А некий Грис Хуан из Мадрида грязно-серое полотно в квадратиках назвал Сидящей женщиной.

Попалась картина Пикассо (Коррида де Торро). Какой-то перекорезанный бык в виде человека куда-то мчится. Но пиком считаю картину Сорнберга - Композиция №104. Полотно 0,5 на 0,5 называется “белое на белом” с еле заметными двумя треугольниками. Еще один хохмач – Курт Шпиттерс (Kurt Spitters) из Ганновера на рамку 80 на 80 прибил гвозди, палочки, деревяшки, кусок полотенца. Картина готова.

Меня удивляет наличие потребителей этого добра в музее. Но, зная статистику психбольных по миру, перестаешь удивляться и этому. Правда, следует подчеркнуть: посетители проходят эти залы, не притормаживая. Большинство все-таки нормальные.

Мне казалось, что испанцы в силу исторических причин должны быть очень набожные люди. Мы побывали во многих церквях–соборах–костелах. К удивлению обнаружили не так много посетителей. Люди не проявляли религиозной экзальтации, наблюдаемой мною в российских церквях. Кроме того, удивляли и скромные убранства всех церквей за исключением, может быть, церкви Convent of the Encarnation, внутренности которого были расписаны Вентурой Родригесом в стиле бурбонов. То же самое, кстати, мы наблюдали и в Лиссабоне.

Восток+Запад=Лишбоа

В Лиссабон мы решили поехать на поезде. Взяли билеты 1-го класса, и на наше счастье продавец билетов худо-бедно, но говорил по-английски. Во всяком случае, понимал и отвечал уверенно “да” или “нет”, как в тестах для американских или канадских студентов. Первый класс от других “лежачих” мест отличается наличием спальных мест (2) и возможностью людям противоположного пола ехать вместе. А другие – делились по 4 человека на купе с обязательной одинаковостью полов.

Билет в оба конца стоил 248 ам. долл. на двоих. Купе состояло из двух полок, внутреннего умывальника, набора предметов для умывания (щетки, паста, расческа, мыло) и минеральной воды, а также телефона (для переговоров с проводником), а дверца снаружи закрывалась магнитной карточкой. Нам также выдали талоны для завтрака “континенталь”, который мы должны были получить в ресторане.

На вокзале нас не ждали

Когда мы утром приехали в Лиссабон, между прочим, не пройдя никаких визово-таможенных процедур, даже просто для регистрации потоко-перемещения людей, то обнаружили довольно-таки провинциальный вокзал.

Хотя Валя и была готова к Лиссабону, как обычно это делает, но тут мы несколько растерялись. Прежде всего, на вокзале нужно было взять из банкомата деньги или поменять их в обменном пункте. Время 8.30 утра. Ощущение такое, как будто чего-то не хватает: то ли народу, чтобы выглядеть столичным городом, то ли красоты, то ли четкости. А оказалось все просто - инфраструктуры, то есть того, что делает пребывание в любом месте удобным и малозатратным.

Поначалу мы не смогли вытащить деньги из банкомата. Техника не желала с нами общаться, а, может быть, там просто не было денег. По крайней мере, он отверг все наши карточки и не только наши, но и стоявшего перед нами американца, от которого периодически несло “shit” и “bullshit” (черт). Но португальских-то денег у нас не было, и их нужно где-то взять. Чтобы разрешить такой простой вопрос - где найти банкомат и как добраться до гостиницы, Валя обратилась к полицейскому, естественно, на английском, тыча в название нашей гостиницы, которая называлась Hotel Madrid, и показывая на конкретный адрес. Полицейский вытащил нечто типа атласа, долго

сосредоточенно водил пальцем по этому атласу, а затем обратился к рядом сидевшему чистильщику обуви. Тот произнес адрес, куда обратиться, и замахал руками, показывая направление за угол. Мы завернули за угол и метров через 60 увидели нужный номер дома. Когда мы зашли туда, это оказался наш же вокзал, только с другой стороны. Валя увидела слово “информация” и начала переговоры с девчонкой, исполнявшей роль информационного агента. На карте для нас поставили отметку с расположением нашего отеля. Валя вычитала по Интернету, что этот отель находится на расстоянии 1,5 километров от вокзала, и даже знала, как он выглядит. На вопрос: как туда добраться? – “агент” прочертила путь по карте вдоль улиц. “А метро, автобус такси?” - “Да, да, – такси, - оживилась “агент”. Такси в Лиссабоне очень дешево”, – сказала она. Я увидел камбю (обмен денег) и поменял долларов 30 на португальские эшкудос. Вышли на стоянку такси. Очередь человек 30, а машины ни одной. Валя вернулась в информацию и спросила, есть ли станция метро у нашей гостиницы. – “Есть, но на вокзале нет метро”. – А автобус? – спросила Валя. “Автобус №12. Но он здесь не ходит”. Поскольку наш багаж состоял из двух легких сумок, то мы решили пройтись в это теплое утро пешком до гостиницы, послав подальше этот сервис и эту информаторшу вместе с полицейским и чистильщиком сапог, да умноженную на их банкомат. В картах я ас. Пошли.

По-над Тежу до Мадрида

Путь наш начался по набережной их знаменитой реки Тежу (между прочим, очень широкой, в одном месте аж 3 км). Ощущение, что город похож на наш Сухуми: немножко грязно, разбиты тротуары, на что никто не обращает внимания, но хороший мягкий воздух, пальмы... и грязь. Дома внешне напоминают кухни или ваннанные комнаты: все фасадные части домов выложены цветным кафелем. Мы, конечно, знали, что это особенность Лиссабона, и гордость, и что лиссабонцы хранят секреты изготовления таких изразцов. Но первое ощущение == кухня.

Где-то минут через 40-50 мы повернули направо, поскольку этого требовала карта. Пройдя еще минут тридцать, мы вышли на какую-то площадь. Валя сделала еще одну попытку спросить у полицейского о нашей гостинице. Он столь же сосредоточенно углубился уже в нашу карту. Полицейский не знал пути, а зеленщик, сидевший рядом, махнул вперед. По идее, исходя из общего расстояния в 1,5 км, мы уже несколько раз должны были бы быть у цели. Ан нет. Нужно отметить, что город расположен по рельефу гор. Если одна улица может быть ровной, то шаг в сторону - и начинается крутой подъем. Валя, по-моему, внутренне скукожилась, хотя не без интереса

рассматривала все вокруг. Скорость наша снизилась. Устали. Кивок полицейского в географическом направлении нашей гостиницы совсем не означал лучшего пути для нас, а просто направление. И этот путь пришелся на самые бедные кварталы Лиссабона, чем-то напоминавшие арабские кварталы в Иерусалиме. Улицы были полны следами от выгула собак, да они и сами выгуливались без хозяев. Мелькнуло в голове - "третий мир". Все же я вырулил к гостинице "Мадрид", тоже 4-х звездочной, которая находилась на хорошей улице в окружении дорогих магазинов. Дорога у нас заняла часа два. Только на следующий день мы случайно выяснили суть нашей ошибки. Оказывается, в центре города есть большой ж/д. вокзал, но не международный, а местный, от которого-то до нашей гостиницы 1,5 км, но это уж интернетовский бизнес по заказу гостиниц. Урок на будущее.

Гостиница хотя и 4-х звездочная, но была поскромнее мадридской. Портвейн нас не ждал, кофе и прочие напитки тоже отсутствовали, ванно-умывальные аксессуары в минимальном количестве (то есть не было щеток, кремов и т.д.), но зато комната была довольно большая, полукругом. В номере не оказалось телевизионного управления (Remote control), и просьбу принести эту штукину пришлось повторять дважды, и дважды услышать - сейчас. Чернокожая улыбчивая девушка забыла также положить и полотенца. Но это так, к слову.

Пока шли до гостиницы отметили следующее. Во-первых, выложенные мозаикой тротуары. И что они очень узкие, иногда в ширину моей стопы. Во-вторых, множество зданий, расписанных голубой мозаикой типа нашей гжели. Сплошные стены из гжели. Это к ним пришло от мавров. В-третьих, португальцы в отличие от мадридцев переходят улицы на красный свет. В-четвертых, повсюду растут лимоны и прочая субтропика. В-пятых, несмотря на дождь, на балконах и окнах "сушится" белье. Как сушится, я так и не понял. В-шестых, с английским здесь еще хуже, чем в Мадриде. А португальский мне не показался похожим на испанский, с которым мы немножко уже сроднились.

И все же с первого взгляда нам этот город понравился своей необычностью. Находится в Европе, однако уклад жизни – это лишь имитация европейского образа. Несмотря на однотипные дорогие магазины, которые есть по всему миру, Лиссабон нам показался по своей сути восточным городом.

Бакалау – не фонтан, а город очень даже Самсон

Поначалу решили сходить пообедать. Зашли в какой-то ресторан. Меню на португальском языке. Мы ни одного слова. Вспоминаю из статьи М.А. Хазанова, что у них любимое блюдо - рыба. Валя все же попросила меню на английском. Официант жестом показал что-то вроде подождите и ушел. Вскоре принес меню, но по-португальски нам стал рассказывать его содержание. Поняли мы только, что “это” есть, а “этого” нет. Так он тыкал в меню, как бы отмечая есть–нет. Валя говорит, медленно одно слово – “фиш”. Она в таких случаях начинает говорить очень медленно, что придает речи спокойствие и уверенность. Официант закивал, но перед этим поставил нам тарелку с сыром и копченым мясом. Именно это и стало нашей основной пищей, поскольку когда он принес нам “фиш”, мы ее не смогли съесть. Нам она показалась немножко вонючей, похожей на замаринованную рыбу, подкопченную на гриле для отбивания запаха. Это и была их знаменитая “бакалау”, одна из 365 ее разновидностей. Мы с Валею поняли, что вряд ли будем поклонниками португальской пищи. Тем не менее, за все заплатили около 30 ам. долл., покинув ресторан с твердой убежденностью перейти на китайские рестораны. Но с ними возникли тоже проблемы. Они почему-то работали 2 часа утром и 2–3 часа вечером. И мы тогда перешли на самообслуживание, покупая привычную нам еду в обычных магазинах. Кстати сказать, это намного дешевле. Вообще, Лиссабон оказался очень дешевым городом.

Как профессиональные туристы, мы разбили город на квадраты, начав осваивать его с центральных улиц и площадей. Мы отметили три ключевые точки: внизу – Торговая площадь, в середине – площадь Россиу, наверху - площадь Маркиза Помбала. Между пл. Россиу и Помбала центральная улица Авенида да Либердада (улица Свободы). Мы же жили недалеко от Маркиза, то есть просто в центре Лиссабона. На центральной улице – Либердада – мы обнаружили массу памятников, воздвигнутых писателям и политическим деятелям. Между прочим, Маркиз Помбал был крупнейшим реформатором Португалии, жившим в начале 18 века. Честно говоря, ни о ком из них я раньше не слыхал. Я понятия не имел, кто такой Каммила Каштелло Бранко, или очень похожий на Пушкина Альмейдия Каррет (1799–1854), или некий Алехандро Херкулано. Среди моих интеллектуальных знакомых (кроме специалиста по Португалии упомянутого М. Хазанова) никто не слышал даже о таких классиках испанской литературы как поэт Луис Камозэнш (1524-1580), драматург Антонио Рибейра (1520-1591) и поэт Фернанду Пессоа (1888-1935). С последним, кстати, я сфотографировался недалеко от кафе.

Но если мы не знаем их, то почему должны удивляться, когда узнаем, что за рубежом кто-то не знает Пушкина, Толстого или Достоевского. У русских странная черта: нам

кажется, что нас знают все. Хочу разочаровать: за время пребывания в этих двух странах, Россия ни разу не была упомянута по телевидению. Отсутствие информации о России в СМИ присуще почти всем странам, где мне приходилось бывать, за исключением США, Японии и Китая. Причем в первых двух случаях обычно информация негативная. Даже в Канаде, и об этом я как-то писал, мне приходилось объяснять молодым людям, что есть такая страна как Россия. Кстати, в Лиссабоне, в гостинице 4-х звезд только семь телевизионных каналов, из которых два на испанском языке, а часто и с дублированием программ. По-английски только программа про спорт, с бесконечным повторением одного и того же, наверное, чтобы англоговорящие совсем не потерялись.

Итак, мы дошли до пл. Россиу, которая находилась в стадии ремонта. К России эта площадь не имеет никакого отношения, а происхождение слова связано со значением красный. Торговая площадь считается самой красивой площадью Лиссабона. К ней сходятся множество улиц, а центральная – Руа Аугушта – выходит на площадь через Триумфальную арку, строительство которой длилось 118 лет. Посередине – конная статуя короля Жозе I при котором реформаторствовал маркиз Помбал.

Освоив центр, мы стали изучать район, примыкающий к крепости Сан Жоржи, в который входит и замок Каштележу. Вскрабкались мы туда по узким улочкам, круто берущим вверх. С замка - уникальная панорама на город. Оттуда же мы узрели Национальный Пантеон (Санта Энгразис) и церковь Сан Висенте де Фора. Хотя нам казалось, что эти две достопримечательности находились недалеко от нас, нам пришлось помучиться, чтобы добраться до них. Находится это не в богатых кварталах, и люди живут там самые разные. В основном беднота, о чем говорит быт и состояние улиц. Мы поняли, как нужно спрашивать: только одно слово-название места, куда идешь. И тут же они начинают отвечать по-португальски, не обращая внимания на твой английский или любой “тарабарский”. Проходя по одной из улиц, мы не поверили, что по проложенным по ней рельсам может ходить трамвай: уклон и очень крутой поворот. Однако появившийся вдруг транспорт завизжал, изогнулся и буквально в 10 сантиметрах от дома, у которого проходил путь, вырулил “на стремнину”. Если бы человек стоял у этого дома, то он был бы раздавлен. Но “на Востоке” все спокойно. Трамвай не пойдет, где человек, а человек, без всяких “прав человека” подождет трамвай.

Пантеон, уникальный по архитектуре, был заложен еще в 16 веке, а завершен только в 1966 г. Там находятся усыпальницы (или памятники в виде усыпальниц) всяких

великих религиозных и исторических деятелей. Церковь сан Висенте считается самым значительным религиозным памятником Лиссабона: в ней много достопримечательностей, в том числе коллекция глазурованных изразцовых панно (азулезуш). Мы попали сюда не в туристический сезон и были единственными посетителями. Но мне в ней не очень понравилось из-за запаха тлена, который источали его склепы.

Затем с высот человеческого духа и чудесных памятников мы спустились в район Альфамы – своего рода гетто Лиссабона, хотя и более веселого и безопасного, чем чрево Нью-Йоркского Гарлема. Улицы настолько узкие, что поражаешься, как трамваи умудряются по ним ходить. Помои и фекалии придают специфику району, в котором проживает население не белого происхождения. Не забудем мы и одну негритянку, которая указала, как нужно ходить нам, туристам, по этим районам. Она подошла ко мне и сказала что-то вроде следующего: ты что, говорит, вот у тебя экипажа на спине, а ты ее должен носить на френсии (впереди, на животе, значит), а то будешь плакать, и, задрав глаза к небу, сделала характерное выражение лица. Спасибо тебе, незнакомая негритянка, ты никогда не прочитаешь об этом, но пусть у тебя всегда все будет хорошо тоже!

Как-то незаметно мы очутились в каком-то подземелье. Спускались-то мы в метро, а обнаружили “шоп-мол” из 3–4-х этажей, очень шумный и прокуренный народом, явно происходившим из лесов и прерий гордого Черного континента. Место называется Commercial. Люди ели, курили, спали, торговали, пели. Белокожих внизу не было никого, кроме нас. Какая-то другая страна. Вот только что мы любовались красотами барокко, триумфальными арками и дворцами, и вдруг... яма. Вале это напомнило фильм ужасов, и она потащила меня оттуда, оторвав от интересного зрелища. Мы действительно были там “объектами”. Выкарабкавшись наверх, мы увидели очень любопытную картинку: ряд чистильщиков обуви, – все они белой расы, – усердно чистили ботинки чернокожим. Предельное равенство достигнуто!

Последний день мы посвятили аристократическим кварталам – это районы Байша и Кармо. Здесь-то я и сфотографировался с Пессао. Но перед этим в предыдущий день мы взяли вечерний тур (почему-то он стоил довольно дорого, 52 ам. долл. на двоих), который позволил нам съездить в район Белем.

Это чудо. Здесь мы поразились монастырю иеронимитов – Монастырь Жернонимуш, в котором находятся гробницы Васко да Гамы и упоминавшегося поэта Камознша. Хотя внутри все впечатляет, но снаружи красота неопиcуемая. Слов нет, чтобы передать

На берегу реки Тежу – главная достопримечательность Лиссабона – Беленская башня (Торре де Белен), построенная в начале 16 века. Там много всего интересного. Ее значимость определяется тем, что в 1983 г. ЮНЕСКО объявила ее “культурной ценностью человечества”. Поражает мощностью и стоящий недалеко от Башни Памятник первооткрывателям. Он - в виде каравеллы, на которой стоят личности, принесшие всемирную славу Португалии: Генрих Мореплаватель, Васко да Гама, Бартоломео Диаш и др. Я попытался увековечиться в виде фотографии на фоне этих людей, но памятник так велик, что если фотографировать его, то меня совсем не видно, или если со мной, то от памятника остается маленькая часть.

Нас также завели в Национальный музей карет, который, правда, на меня не произвел никакого впечатления, хотя в туристических маршрутах ему отводится заметное место. Кареты я с детства воспринимал как нечто враждебное, а может настроение было невосприимчивое. Рядом был памятник и погребение Васко да Гамы, тут уж я ожил – история, интерес! К каретам - классовая ненависть так и осталась.

Перед отъездом из Лиссабона мы с женой захотели что-нибудь купить на память и пошли по магазинам. Наткнулись на магазин со смешным названием Бульбуль и кафе – точная копия Макдональдса – с названием Абракадабра. Побродив по магазинам, мы поняли, что все равно ничего не купим, поскольку не было конкретной цели. Да и ничего такого характерного именно для Португалии мы так и не присмотрели. Отсюда вывод: если нет цели, то процесс-движение ничто, он/оно бессмысленно. Так, чистая природа без разума.

Лиссабон потряс нас контрастностью: от великолепия дворцов и соборов до каких-то вонючих подземок и районов. Этим, наверное, он и интересен. Теперь я говорю уже не Лиссабон, а Лишбоа. Так он звучит по-португальски.

Столь же контрастны и жители, населяющие этот надземный и подземный мир, эти высоты и дно общества, что, оказывается, всегда рядом.

Последние минуты нашего пребывания в Лишбоа тоже запомнятся, и, думаю, могут пригодиться кому-нибудь как напоминание. – Стою у вагона поезда, охватывая последним взглядом перрон, докуриваю сигарету. Подходит молодой человек и на приличном английском спрашивает, говорю ли я по-английски. – Конечно, – обрадованно отвечаю я. – “О, that’s great, наконец-то”, – восклицает тот. И начинает

мне рассказывать, что за ним должна была приехать какая-то машина, но почему-то не приехала. А ему обязательно надо в Мадрид. Но у него нет ни одного эскудо. Не мог бы я ему одолжить? Я – ему: а у меня тоже нет ни одной эскуды, sorry. Он: а мне и не надо эскудос. Дай пару сотен баксов и адрес, по которому я тебе вышлю деньги. – Я что, похож на сумашедшего, - спрашиваю его. Он: “Ты - нет. Тогда извини. I will try another guy. (Ну, я тогда попробую у другого)”, – улыбнувшись на прощанье сказал местный бизнесмен. Я - ему: It will never hurt to try. Good luck. (Попытка – не пытка. Счастливо). Поезд вскоре тронулся, и я увидел этого парня, который довольный шел по перрону назад. Видно, попытка сегодня удалось...

* * *

Мы возвращались наполненные впечатлениями. Прилетали в Шереметьево... и праздник кончился. Мы увидели стаю носильщиков, желающих подвезти сумки. В отличие от всех стран мира в Москве тележки не стоят для пассажиров, они только для носильщиков. Таксисты, предлагающие услуги за баснословные деньги - это тоже только в Москве. Обман и ненадежность уже с первого шага. Аэропорт показался тусклым (это после яркого мадридского). На улице – грязный снег, сырость. В метро почему-то тоже тускло. Видимо, начали экономить на свете. Изможденные лица усталых и расслабленных пассажиров. Никто не улыбается. Какая-то обреченность в глазах жителей страны, руководители которой называют ее Великой державой.

Но тут мы вспомнили про Мадрид и Лишбоа и сразу повеселели.

Экономическая справка: по данным журнала “Экономист” (The World in 2001), в 2001 г. прогнозируется, что ВВП Испании составит 651 млрд долл., на душу населения – 16 500 долл., население – 39.55 млн человек; Португалии – соответственно: 115.4; 11 500; 10.05; России – 252.6; 1 740; 145.08.

Олег и Валентина Арины

Март 2001